

DOI 10.15393/j9.art.2019.6602

УДК 821.161.1.09

Л. В. Соколова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

liiso@mail.ru

Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве»)

Аннотация. В «Слове о полку Игореве» до сих пор остаются «темные места», не получившие убедительного истолкования. Но и казавшиеся ясными чтения порой получают новое объяснение. Статья ставит целью уточнить значение выражения «бебрянь рукавъ», читающееся во фрагменте Плач Ярославны. После работ Н. А. Мещерского считалось установленным, что «бебрянь» означает в «Слове» «изготовленный из виссона или шелка»; тем не менее относительно недавно эта точка зрения подверглась сомнению, как, впрочем, и сам факт наличия в авторском тексте «Слова о полку Игореве» определения «бебрянь». Необходимо выяснить, насколько обосновано это сомнение. Значение слова «рукавъ» не вызывало у исследователей сомнений; считалось, что имеется в виду рукав женской одежды. Чтобы соотнести это значение с контекстом, в котором употреблено слово, исследователи вынуждены были предположить, что речь идет о длинном рукаве рубахи-долгорукавки, которым Ярославна «утирает» кровавые раны Игоря. Однако есть основания сомневаться в том, что имеется в виду именно рукав, а не другой предмет женского костюма. Понять значение выражения «бебрянь рукавъ» помогают работы по истории византийского и древнерусского костюма, анализ выражения «берчат рукав», встречающегося в былинах, и сербские юнацкие песни, в которых героини, подобно Ярославне, утирают и перевязывают воинам раны.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», Плач Ярославны, бебрянь рукавъ, берчат рукав, былины, сербские юнацкие песни, виссон, шелк, византийское платье-футляр, княжеская одежда на Руси в XI–XII вв., рубаха-долгорукавка, поэтика

Об авторе: Соколова Лидия Викторовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034)

Дата поступления: 30.05.2019

Дата публикации: 18.10.2019

Для цитирования: Соколова Л. В. Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 7–41. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602

До недавнего времени существовало две трактовки слова *бебрянъ* в выражении «Слова о полку Игореве» «омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Первоначально исследователи «Слова» считали, что прилагательное *бебрянъ* образовано от слова *бобръ* / *бебрь* и означает ‘изготовленный из шкурки бобра’, полагая при этом, что речь идет о рукаве женской одежды, отороченном мехом бобра. В 1950-е гг. вышли статьи Н. А. Мещерского [Мещерский, 1956, 1958b, 1958c], который на основании переводных древнерусских памятников XI–XII вв. выяснил, что прилагательное *бебрянъ* образовано от существительного *бебрь*, которое могло выступать также как название драгоценной ткани: виссонной¹ или шелковой.

В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, осуществленном не позднее XII в., словом *в бебрянхъ* (*бѣбрьнахъ*, *бѣбрьнахъ*) передано греческое слово *σπρίχός* — ‘шелковый’ («Стоаху же без оружия въ ризахъ *бебрянхъ*, вѣнчани дафины») [Мещерский, 1958a: 445]. В опубликованном Н. А. Мещерским списке ошибочно — *в багрянныхъ*.

Существительные *бебрь* и *беберъ* встречаются в древнеславянском переводе «Повести об Акире Премудром», осуществленном не позднее XI в., вероятно, с сирийского оригинала: «...и прияхъ сестричица своего Анадана въ сына мѣсто. И младѣ бѣ, и дахъ одоити ѥ, воскормих ѥ медомъ и виномъ, и *одѣхъ ѥ бебромъ и брачиномъ*»². Слова, соответствующие лексеме *бебрянъ*, в иноязычных версиях данной повести отметил А. Д. Григорьев: в сирийской — «тонкое полотно» («и одевал его в тонкое полотно и пурпур»), в арабской — «шелк», в армянской — «виссон»³. Поскольку один из исследователей «Слова» выразил сомнение в том, что А. Д. Григорьев верно указал параллельные места в иноязычных версиях «Повести об Акире» [Лемешкин], я обратилась к исследователю восточных версий этого памятника В. М. Лурье с вопросом, какое

словосочетание в сирийском, армянском и арабском текстах соответствует словосочетанию древнерусского перевода Повести «*одѣхъ ѿ бебромъ и брачиномъ*». Воспроизвожу с благодарностью его ответ:

«Славянская и армянская версии восходят к таким сирийским редакциям, которые существенно древнее сохранившихся только на сирийском.

В сирийском:

ܠܝܢܝܢ ܘܥܝܢܐ

“виссоном и пурпуром” (одевал его). Виссон — это тот самый семитский термин, из которого греческое βύσσος. “Тонкое полотно” у А. Д. Григорьева — это, видимо, от *fine linen*, как часто переводят на английский “виссон”, и как это в переводе Конибера⁴.

Армянская версия: *բեհեզ և ծիրանի* = “виссоном и пурпуром” (одевал его); *բեհեզ* = виссон, может быть муслин, но греческое соответствие — виссон; *ծիրանի* = пурпур или одежда из пурпура.

Арабская версия сильно модифицирует текст; от нее зависит тот сирийский, который переводил Ф. Но (F. Nau)⁵. В арабской и зависимых от нее (на новоассирийских диалектах) вместо виссона появляется шелк. В арабском:

والكسوة الحريرة والارجوان والقرمز

“одежды шелковые, и пурпур, и кармин” (кармин — нечто красное, “кармаз”).

Большинство исследователей полагают, что древнеславянский перевод «Повести об Акире» был осуществлен с сирийского, А. А. Мартиросян доказывал близость славянского текста к армянской версии Повести⁶. И в том и в другом случае словом *бебрь* славянский (вероятно, болгарский) переводчик передал слово *виссон* сирийского оригинала, созданного, по мнению исследователей, в V в. (см., напр.: [Lourié]).

На основании приведенных Н. А. Мещерским примеров слова *бебрь* и *бебрь* (*беберь*) в значении *шелковая ткань* приведены в «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”»⁷

и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»⁸, а также в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина⁹.

А. А. Пичхадзе отметила, что «прилагательное с суффиксом **-ан-** от названия бобра, кроме “Истории <Иудейской войны>”, отмечено только в “Слове о полку Игореве”: **бебранъ**; во всех славянских языках распространены исключительно производные с суффиксом **-ов**. <...> Названия мехов в славянских языках обычно образуются при помощи притяжательных суффиксов; нетривиальное образование с суффиксом **-ан-**, по-видимому, объясняется тем, что и в “Истории Иудейской войны”, и в “Слове о полку Игореве” речь идет не о мехе, а о названии дорогой ткани». А. А. Пичхадзе со ссылкой на Н. А. Мещерского отметила, что «перенос названия меха на ткань мог произойти в древнерусском языке под влиянием хазарского слова *хаз*, обозначавшего дорогой мех и шелковую материю» [Пичхадзе: 29] (ср. выражение «шелковистый мех»).

Слово *бебранъ* означает в «Слове о полку Игореве», по всей вероятности, именно *шелковый*. После того, как византийскому императору Юстиниану I удалось в середине VI в. (550 г.) заполучить сырье и способ изготовления китайского шелка, производство крайне дорогого виссона¹⁰ в Европе пошло на убыль. Однако и шелк был дорогим. Изготовление шелковых тканей и пурпурового красителя стало в Византии государственной монополией. В производстве шелка в Византии весь процесс (от покупки сырья до продажи продукции) был закреплён за отдельными корпорациями, с каждой операции государство получало пошлину, и готовая шелковая ткань стоила в несколько раз дороже израсходованного на ее изготовление сырья (метаксы), которое покупалось буквально по цене золота [Литаврин: 39].

Итак, Ярославна использует для исцеления ран Игоря *шелковый рукав*.

Чтобы понять, могла ли Ярославна *рукавом своей одежды*, омочив его в реке Каяле, утирать раны Игоря, необходимо выяснить, какой была одежда русских княгинь в XI–XII вв.

Со времен Крещения Руси русские князья начинают перенимать византийскую одежду. Культура Византии находилась, как известно, под сильнейшим влиянием христианской религии. В Византийской империи тело тщательно прячется под одежды.

У туники, закрывающей тело от шеи до пят, появились *длинные рукава, узкие в запястьях*, которые украшались и стягивались *пóручами (нарукавниками)*. Верхней одеждой служила мантия; она застегивалась на правом плече фибулой или пряжкой¹¹. Важно отметить, что «императоры облачались в парадные костюмы не только в торжественных случаях, они ходили в них всегда» [Комиссаржевский: 92].

Илл. 1. Византийская императрица Феодора со свитой.
Фрагмент мозаики в базилике Сан-Витале в Равенне (Италия).
527–548 гг.¹²

На мозаичном изображении византийского императора Юстиниана I со свитой, сохранившемся в Равенне в базилике Сан-Витале, он предстает в пурпурной мантии, под которой — белая туника, доходящая до колен и украшенная у подола золотым кантом, *рукава ее заканчиваются золотыми перехватами (нарукавниками)*. На другом мозаичном изображении, находящемся в той же церкви Сан-Витале, представлена жена

императора Юстиниана I Феодора со свитой. Костюм императрицы подобен одеянию императора, но еще более роскошный. Длинная белая шелковая туника богато отделана по низу и боковым разрезам золотым и цветным шелковым шитьем. Ее *рукава заканчиваются золотыми перехватами (нарукавниками)*. Пурпурная тяжелая мантия, скрывающая фигуру императрицы, украшена по подолу широким золотым вышитым кантом. Плечи и грудь украшает круглая «диадима» (с сер. VI в. становится символом царской власти) из драгоценных камней с небольшими жемчужными подвесками (Илл. 1).

На изображениях XII в. императрицы облачены в узкую, доходящую теперь только до колен узорчатую *сто́лу* (верхнюю тунику). Она шилась с полудлинными широкими рукавами и украшалась дорогими кантами. Из-под широких рукавов *сто́лы* видны *узкие рукава нижней туники, которые украшались и стягивались золотой обшивкой* (нарукавниками, поручами) (см.: [Комиссаржевский: 92–93]).

Поручи были символической деталью одежды. Появившись сначала как предмет облачения византийских царей, они были пожалованы ими в XI–XII вв. вместе с саккосом патриархам столичного Константинопольского престола. Блаженный Симеон, архиепископ Солунский (XII в.), пишет о поручах как о необходимой принадлежности священнического и епископского облачения. Поручи как внешний по отношению к рукавам предмет являли наглядным образом свидетельство того, что не самому священнослужителю принадлежит сила и мудрость в совершении таинств и служб, а дается ему извне, от Бога¹³.

Со времен Крещения Руси короткополые варяжские костюмы начинают уступать место длиннополым византийским. Князь и княгиня одеваются теперь в длинные, узкие подпоясанные туники *с узкими у кисти рукавами*, в пурпуровые, очень часто затканые золотом плащи, которые застегиваются пряжкой спереди или на правом плече. На миниатюре «Семейство Святослава» в Изборнике Святослава 1073 г. (л. 1 об.) княгиня изображена в оранжевой (красно-желтого

цвета) рубашке с желтым круглым, лежащим на плечах большим воротником (оплечье), довольно широкие рукава ее верхней рубашки (сто́лы), повязанной золотым поясом с синим узором, кончаются скошенным раструбом, *из-под них видны узкие рукава нижней рубашки; они кончаются широкими, облегающими руку золотыми нарукавниками* (см.: [Комиссаржевский: 285–287], [Лихачева: 291–292], [Жабрева: 85–122]). Изображения русских князей и княгинь в Трирской псалтири (XI в.) и Чудовской псалтири (XII–XIII вв.) также свидетельствуют о византийском типе их одежд (см.: [Кондаков: 15–16], [Жабрева: 118–121]).

Представления об одежде русских князей и княгинь домонгольского периода дают и мозаичные изображения. Византийского типа женский костюм мы видим на знаменитой фреске XI в. Софийского собора в Киеве, изображающей семью князя Ярослава Мудрого: его самого, княгиню Ингигерду-Ирину и их детей. По мнению В. Н. Лазарева, фреска свидетельствует, что одежды киевской знати XI в. были богатыми и разнообразными, хотя и более простыми, чем византийские. *Рукава туники на изображениях князя и княгини узкие в запястьях и кончаются золотыми нарукавниками* (см.: [Лазарев: 27–54], [Жабрева: 103–109]). Византийского типа костюм изображен и на портрете новгородского князя Ярослава Владимировича на фреске в построенной им Спасо-Нередицкой церкви (1198 г.). Костюм Ярослава Владимировича более узкий и короткий, чем платья князей более раннего времени, но *рукава по-прежнему доходят до запястья и заканчиваются нарукавниками* (см.: [Жабрева: 110–111]). В той же Спасо-Нередицкой церкви находились изображения великомученицы Екатерины и святой Христины, которые могут служить материалом для изучения женских костюмов XII в. Обе мученицы представлены в нарядных одеждах, соответствующих костюму знати. Интересующие нас рукава их одежды *доходят до запястья и заканчиваются нарукавниками* (см.: [Жабрева: 111–112]).

На миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. немало изображений княгинь, представленных в «византийских»

платьях, чаще всего окрашенных красным или зеленым цветом (Илл. 2). «Иногда княгини нарисованы в рост (Т. 6, л. 374 об.), иногда до пояса, как, например, в сценах родин, где они представляются возлежащими на ложе с овальной подушкой в изголовье, в полном облачении, деликатно прикрытыми до пояса покрывалом (Т. 6, лл. 30 об., 45 об., 160 об., 163 об., 270 и др.), или в сценах путешествия в возках (Т. 6, л. 88 об., 95)» [Жабрева: 215]¹⁴.

Илл. 2. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.
Иллюстрация к рассказу о заключении брака княжны Елены
Ивановны с Александром Литовским (1496 г.)¹⁵.

Итак, для княжеской одежды домонгольского периода и более позднего времени характерны рукава, заканчивающиеся

на запястьях золотыми нарукавниками (зарукавьями) из дорогой ткани, часто вышитыми, которые надевали на рукава мужской и женской княжеской рубахи. Не случайно нарукавники у князей и княгинь были золотыми, золото наряду с пурпуром являлось символом императорской власти в Византии и княжеской власти на Руси (см.: [Аверинцев: 43–52], [Каждан: 105], [Соколова: 229–232]).

Можно ли рукавами, заканчивающимися на запястьях золотыми нарукавниками, утирать кровавые раны? Понятно, что нет.

Д. С. Лихачев, комментируя рассматриваемый фрагмент, попытался объяснить его так: «Рукава верхней одежды знати в древней Руси делались длинными. Их обычно поднимали кверху, перехватывая запястьями. В ряде церемониальных положений их спускали книзу (стояли “спустя рукава”). Такой длинный рукав легко можно было омочить в воде, чтобы *утирать им раны, как платком*» (курсив мой. — Л. С.) [Лихачев, 1950: 461]. Не совсем понятно, рукава какой одежды имеет в виду Д. С. Лихачев. Поскольку он упоминает, что длинные рукава верхней (?) одежды знати «перехватывали запястьями», вероятно, он имеет в виду рукава рубах-долгорукавок, которые перехватывались браслетами-наручами, а не длинные свисающие или завязанные на спине рукава опашня, появившегося в одежде знати позднее, в середине XIV в. И. Лемешкин уже прямо пишет, что Ярославна утирала раны Игоря длинным (до 2 м) рукавом рубахи-долгорукавки. Указав на то, что рукавом, пришитым к пройме, даже длинным, неудобно обрабатывать раны, И. Лемешкин предположил, что Ярославна воспользовалась рукавом своей одежды, пришитым на живую нитку и сорванным с плеча. Он предлагает такой объяснительный перевод рассматриваемого фрагмента: «Полечу кукушкой по Дунаю, омочу [сорванный с плеча длинный, съёмный, накладной, пришитый на живую нитку] рукав в Каяле реке и [как полотенцем] утру князю кровавые раны» (курсив мой. — Л. С.) [Лемешкин: 57–61]¹⁶.

Крайне трудно, однако, представить себе такую картину: длинный (от 2 до 4 м) рукав из тонкой льняной ткани или (как в «Слове») из дорогого натурального шелка, пришитый на живую нитку, при необходимости срывали с плеча и пользовались

им как платком-полотенцем, в том числе обрабатывали и перевязывали им кровавые раны! Кроме того, нет никаких свидетельств того, что рукава в рубахах-долгорукавках были съемными. В народных рубахах-долгорукавках XIX в. рукав втачной или цельнокроеный.

Вряд ли вообще можно говорить по отношению к одежде княгини Ярославны о рубахе-долгорукавке, которая к тому же была в Древней Руси не повседневной, а *ритуальной* одеждой для особых случаев.

Гравировка на серебряных браслетах XII и XIII вв. изображает девушек, исполняющих ритуальные танцы на русальной неделе в рубахах-долгорукавках, размахивающих длинными рукавами (о браслетах-наручах и изображениях на них см.: [Рыбаков: 714, 716]). Сцена ритуального (русальского?) танца в рубахе-долгорукавке изображена и в Радзивилловской летописи (Илл. 3).

Илл. 3. «Игрища и плясания бесовския» в Радзивилловской летописи (~XIII в., списки XV в.)¹⁷.

Ритуальной одеждой были и свадебные рубахи-долгорукавки народного костюма, которые назывались «убивальницами», «плакальнями» или «махавками», так как уезжавшая под венец невеста, прощаясь с родными, причитала («убивалась») и размахивала длинными рукавами [Тазихина: 133]. «В свадебной и праздничной одежде с XVII столетия до конца

XIX века встречались рубахи-долгорукавки, имевшие рукава *до двух метров длиной* <...> (Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Московская губернии). При ношении такой рукав собирался горизонтальными складками, либо имел специальные прорезы — «окошки» для продевания рук. Делались подобные рубахи из льняного полотна, а более дорогие — из шелковых фабричных тканей и парчи» (курсив мой. — Л. С.) (см. Илл. 4)¹⁸. Г. С. Маслова пишет о наличии в музейных коллекциях «рубах-долгорукавок, сшитых из штофных и золотых тканей. Они встречаются в коллекциях из Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Новгородской губерний». Автор предполагает, что они также употреблялись в качестве свадебной одежды, отмечая, однако, что никаких указаний на этот счет в коллекционных описях не имеется [Маслова: 210 (прим. 43)].

Илл. 4. Рубаха-долгорукавка. Тверская губерния. XIX в.¹⁹

У нас нет никаких оснований полагать, что Ярославна была одета в *ритуальную* рубаху-долгорукавку с длинными (до 2,5 метров и более) рукавами. Напомню, что византийские императоры парадную одежду носили всегда. А русские княгини часто изображались даже на родильном ложе: в княжеской «византийской» одежде с короной на голове²⁰. Следует учесть и такую особенность поэтики древнерусской литературы, в том числе «Слова о полку Игореве», как церемониальность, этикетность, отмеченную Д. С. Лихачевым²¹. Как и в летописи, князья в «Слове» изображаются в церемониальных положениях: «вступают в златое стремя» (отправляются в поход), поднимают или, напротив, «повергают» стяг (что символизировало выступление в поход или поражение в бою). Предметы, принадлежащие князьям, характеризуются как золотые: злат стремя, злато седло, златой шлем, злаченные стрелы, злато ожерелье, злат стол, златокованный стол, златоверхий терем, злато слово²² (золото символизировало княжескую власть на Руси). В связи с этой особенностью поэтики «Слова» княгиня непременно должна была представляться его автору облаченной в княжескую одежду, с рукавами, заканчивающимися на запястьях золотыми нарукавниками. Рукав же такого княжеского платья совсем не подходил для обработки кровавых ран.

Понять, что может означать слово *рукавь* в Плаче Ярославны, помогают былины. Обратимся к двум былинам, которые привлекал в своей статье И. Лемешкин.

В былине «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (далее — «Добрыня и Алеша»), в той ее части, которая получила условное название «Плач Добрыни», последний, жалуясь на свою долю, говорит матери: «Ты зачем меня Добрынюшку несчастного породила? / Породила государыни бы родна матушка / Ты бы беленьким, горячим меня камешком, / *Завернула государыни да родна матушка / В тонкольняный был белый во рукавчикек* <...> / И спустила государыня да родна матушка / Меня в Черное бы море, во турецкое»²³. В разных записях этой былины только в одном случае используется слово *рукав*, в других же записях — уменьши-

тельная форма этого слова (деминутив): *рукавчикек, рукавичек, рукавчик, рукавцы, рукавные*.

И. Лемешкин приводит следующие варианты: *завернула... в тонкольняный было белый во рукавчикек* (Гильф. № 149), *завернула в тонкой в льняной во рукавичек* (Рыбн. № 27²⁴), *вертела бы в рукавцы во рукавные* (Рыбн. № 155), *обвертела тонким беленьким рукавчиком* (Гильф. № 5), *завернула бы в рукавчик в полотняный бы* (Аст. № 101²⁵), *завертела бы во тонкой беленькой рукавчикек* (Гильф. № 80), *свертела бы камень в травцят рукав* (Аст. № 180), *завернула бы Добрыню в тонко белое полотнище* (Гильф. № 38), *завернула бы этот камешок в полотнушко* (Гильф. № 168), *завернула бы во бело полотёнышко* (Рыбн. № 42), *завертела во тонко полотёнышко* (Гильф. № 206), *завернула во белу камку (шелковая узорчатая ткань. — Л. С.)* (Аст. 168), *завернула бы этот камень в круцату камку* (Аст. № 178), *завернула бы в камочки во крушатые* (Гильф. № 23) и т. д. [Лемешкин: 52].

Как видим, слова *рукавчикек, рукавичек, рукавчик, рукав* заменяемы в других записях былины словами *полотнище, полотнушко, полотёнышко*. Слово *рукав* заменяемо на слово *полотёнышко* в одном и том же контексте и в былине о Михаиле Потыке, ср.: «И Лебедь Белая снимает с правой руки *берчатъ рукавъ* и завиваетъ Михайлу очи ясные...» [Евгеньева: 490]; «Отвернула де Овдотьюшка Михайлушка, / Обвертела да ёго буйну да головушку / Ишше тем жо *полотёнышком* она *беленьким*» (курсив мой. — Л. С.)²⁶.

Слова *полотно, полотнище, полотнушко, полотёнышко*, согласно словарям, означают ‘изделие из льняной ткани, кусок льняной ткани различного назначения’, ‘полотенце’, ‘платок’ (СлРЯ XI–XVII вв., 16; 246; СлРНГ, 29; 123–124²⁷; Лексика былины: 100²⁸). В Словаре лексики былины слово *полотнище* с примером из «Добрыни и Алеши» («Завертела бы [Офимья Олександровна] Добрыню в тонко белое *полотнище*») определяется как ‘Платок. Кусок холста’; слово *полотнушко* с примером из той же былины другой записи («Завернула бы этот камешок в *полотнушко*, / Спустила б этот камешок в синё морё») также определяется как ‘платок’ (Лексика былины: 100).

В этом же значении употреблено и слово *полотёнышко*, читающееся в том же контексте былины: «завернула бы во бело *полотёнышко*» (Рыбн. № 42), «завертела во *тонко полотёнышко*» (Гильф. № 206). В другом контексте былины о Добрыне слово *полотёнышко* имеет значение 'полотенце': «По утру ставал ен ранёшенько, / Умывался водою сам белёшенько, / Утирался полотёнышком сушохонько» (СлРНГ, 29; 124). Слово *полотно* в СлРНГ во втором значении определяется как 'полотенце' («Умывается Добрынюшка белёшенько, / Утирался в тонко бело *пóлотно*»), а в третьем значении — как 'платок' («Машет милый *полотном*») (СлРНГ, 29; 123).

Следует обратить внимание на то, что *рукавчик / рукавичек / рукавец* и *полотнище / полотнушко / полотёнышко* имеют одинаковые эпитеты: *тонким беленьким* рукавчиком, во *тонкой беленькой* рукавичек, в *тонко белое* полотнище, во *бело полотёнышко*, во *тонко полотёнышко*. Рукавец и рукавчик — *полотняные*. Г. С. Маслова, описывая народную одежду XIX — начала XX в., сообщает, что свадебное полотенце-рушник в вологодских причитаниях называется «*тонко бело полотенецко*, хитро-мудро рукодельице» (курсив мой. — Л. С.) [Маслова: 80].

Есть основание думать, что речь идет об одном и том же предмете и что уменьшительные слова *рукавец, рукавчик, рукавичек* и т. п. в Плаче Добрыни обозначают не рукав, а тоже (как *полотно, полотнище, полотёнышко*) *платок, носимый на руке*, т. е. ручной платок. Подтверждается это косвенно и выражением «*во рукавцы во рукавные*», которое указывает на *рукавцы* как нечто относящееся к рукаву, но не сам рукав, а именно рукавный рукавец, т. е. носимый на руке, на рукаве льняной платок.

В былине «Добрыня и Алеша» слово *рукавец* встречается и в другом контексте: «Ена горькими слезами да обливается, Полотняным *рукавцем* поотирается» (Лексика былины: 103). Слово *рукавец* встречается и в белорусском фольклоре. В белорусском свадебном причитании мать невесты, обращаясь к матери жениха, поет: «...Кабъ ня ўцирала дробныхъ слизо-чѣкъ *рукаўцомъ*...»²⁹. *Рукавецъ* здесь тоже означает ручной платок, которым «утирают» слезы.

Этот ручной платок можно было *снять с руки*, им можно было *завязать глаза*, *«обвертеть» «буйну голову»* (былина о Михаиле Потыке), в него можно было *завернуть* (*завертеть*) *камешек*, им можно было *утереться* (былина о Добрыне и Алеше).

В былинах встречаются и слова *плат*, *платок*, причем с определением «шелковый»: «А й приходит ко Добрыне родна матушка, Подает Добрыне свой шелковый *плат*»; «Шелковым *платком* князь утирается» (Лексика былины: 98). Авторы Словаря лексики былин в словарной статье «платок» отмечают варианты действий с платком в былинах: завязать платками, перевертеть платком, *перевязать платком* (sic!), повязать платками, махнуть платком, *утираться платком* и т. п. (см.: Лексика былины: 98).

Илл. 5. Невеста накануне свадьбы с «горевым платком» в руке. Фрагмент экспозиции в Российском этнографическом музее (СПб). Фото Л. В. Соколовой. 2019.

Вероятно, речь идет о ручном платке удлиненной формы, платке-полотенце. В Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге на выставке народного костюма воспроизведена сцена из свадебного ритуала мордвы: мать и родственница невесты укладывают в «кадку» приданое, а невеста сидит на лавке с «горевым платком» в руке. Она должна причитать, оплакивая свою девичью жизнь. Этот «горевой платок» выглядит как короткое полотенце из белого льна, по краям украшенное каймой и бахромой (см. Илл. 5). Обычай свадебных причитаний у мордвы воспринят от русских, — поясняет табличка. Не беремся судить, насколько это верно. Но достоверно известно, что у русских тоже был обычай причитаний невесты перед свадьбой. Платок невесты олицетворял горе, печаль. По одним сообщениям, невеста бросала свой платок «со слезами» по дороге в церковь, по другим свидетельствам, «платок-ревун», с которым невеста плакала и причитала, она оставляла в родительском доме, забрасывала его на полати, причитая: «Останьтесь, страсти и ужасты, у родимого батюшки, у родимой матушки» [Маслова: 79].

В данном случае нам важно, что ручной платок вплоть до XIX–XX вв. в народной среде русских и соседних с ними народов мог иметь форму небольшого узкого полотенца, носимого на рукаве или за поясом, а также на шее. В деревне дни сенокоса, окончания жатвы, первого выгона скота считались праздничными, и крестьянки наряжались в специальные рубахи с богато украшенными подолами, называвшиеся «покосными», «сенокосными», «пожнивными», «жальными». Носили их с большим напуском над опояской — узким ярким пояском, *под который подтыкали холицовый платок или полотенце для вытирания пота*³⁰.

Полотенце и ручной платок, так схожие между собой, и в более позднее время назывались в живом великорусском языке одним словом, образованным уже не от слова *рукав*, а от слова *рука*. Согласно Словарю В. И. Даля, слово *ручник* (ср. белорус. *ручник* и укр. *рушник*) означало не только «утиральник, полотенце», но и «носовой платок, ручной, карманный» (нижегор.). Рукотирный плат (ср. рукотёр, рукотирник) — это «утиральник, полотенце или ширинка, ручник»³¹.

Наряду с уменьшительными словами *рукавчикек, рукавичек, рукавичек, рукавичек, рукавец, рукавцы рукавные* в том же контексте в Плаче Добрыни используется слово *рукав*: «и свертела бы камень в травцят *рукав*» (травчатый — узорчатый, вытканый с рисунком в виде травинки, листочков, цветков). Именно *узорчатый рукав* (берчатъ рукавъ) *снимает с руки* и Лебедь Белая в былине о Михаиле Потыке. Без сомнения, и *рукав* в данном контексте означает кусок белого тонкого льняного полотна, ручной платок-полотенце. Контекст помогал человеку русского средневековья, а также носителям былинной традиции и их слушателям в новое время безошибочно узнавать то конкретное значение, которое вкладывалось в каждом конкретном случае в слово *рукав*. Слово *рукавъ* многозначное (см.: СлРНГ, 29; 245–246), помимо прочего, оно, наряду со словом *рукавокъ*, означало женскую муфту (СлРЯ XI–XVII вв., 22; 244, 246).

В записях былин А. Ф. Гильфердинга, сделанных в одном (Онежском) регионе и в один год (летом 1871 г.), читается как «обвертела тонким беленьким *рукавчиком*» (Гильф. № 5), «завертела бы во *тонкой беленькой рукавичке*» (Гильф. № 80), — так и «завертела бы Добрыню в *тонко белое полотнище*» (Гильф. № 38), «завернула бы этот камешок в *полотнушко*» (Гильф. № 168), «завертела во *тонко полотёнышко*» (Гильф. № 206). Мы видим здесь яркий пример того, как в одних записях былины сохраняется архаическое слово «рукав, рукавичка» и т. п., а в других записях былины того же времени этот архаический термин замещается на более понятное «полотно», «полотёнышко» и т. п. Интересно в связи с этим наблюдение Ю. А. Новикова, описавшего закон синонимической замены для былин. Фольклорная традиция в некоторых случаях проясняет архаизмы, создавая в одном и том же тексте в одном эпизоде стихи одного и того же содержания: «Это-то Добрынюшке словечушко во гнев пришло, / Во гнев пришло и во прет пришло» [Новиков: 82–85]. (Прийти во прет (Олонецк.) — не понравиться кому-либо, вызвать неприятные ощущения у кого-либо³².)

Отметим, что М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко, выявившие на основании былин у слов *полотно, полотнище, полотёнышко* значение «платок, полотенце», не отметили этого же значения у слов *рукавичка, рукавец*, которые встречаются в том же

контексте былин; вероятно, они приняли эти слова за обо-значение рукава одежды. Цитата из былины со словом *рукавчик* приведена к слову *рукав*: «Обвертела бы мою да буйну голову, Обвертела тонким беленьким *рукавчиком*» (Лексика былины: 103). Отдельной статьей дано слово *рукавец* с примером из былины «Добрыня и Алеша» («Ена горькими слезами да обливается, Полотняным *рукавцем* поотирается»), значение его приводится по СлРЯ XI–XVII вв. («Предмет одежды или украшение, носимое на руке») (Лексика былины: 103). Это значение иллюстрируется в СлРЯ XI–XVII вв. следующим примером из «Повестей и басен о царе Соломоне» (Лож. и отреч. кн., 67. XVII в.): «И рече слуга: государь Поръ, вели сдѣлать золотые рукавцы и самоцвѣтные камене вели у рукавцовъ придѣлать» (СлРЯ XI–XVII вв., 22; 244). Здесь слово *рукавцы* означает расшитые, украшенные драгоценностями нарукавники у старинного женского и мужского платья, которыми нельзя утирать слезы. Таким образом, слово *рукавец* в былине означает, по мнению составителей Словаря лексики былин, «предмет одежды», т. е. рукав³³.

У составителей «Словаря русских народных говоров» значение слова «рукавчик» (приведен пример из «Добрыни и Алеши»: «...завернула государыня да родна матушка / В тонкольняный было белый во рукавчик») все же вызвало вопрос, и указанное ими значение — «рукав» — дано со знаком вопроса: «Фольк. Ласк. Рукав [?]» (СлРНГ, 35; 247).

По всей вероятности, и слово *рукавочек* из песни, записанной в Воронежской губернии в 1912 г., означает 'ручной платочек', а не рукав, как отмечено в СлРНГ, ср.: «Скину (т. е. вскину?) рукавочек, размахну дымочек. / Ой, люли, люли, дуброва горела» (СлРНГ, 35; 247).

История возникновения ручного (личного, носового) платка начинается в древние времена.

Первые сведения о появлении ручного платка *из ткани* относятся к III в. до н. э. Им пользовались греческие аристократы и римские патриции. Знатные горожане *носили на шее, плече или запястье* надушенный кусок материи, предназначенный для вытирания лица или пальцев рук после принятия пищи. В Римской империи он назывался по-разному: *sudarium* (платок для вытирания пота, которые носили, как теперь

полотенца, вокруг шеи)³⁴, *orarium* (платок для рта)³⁵, *lintheum*. У христианского писателя Арнобия (III в.) в перечислении предметов обихода встречается слово *муқциниум*, которое, по мнению С. Иванова, означало «тряпицу для носа» [Иванов: 156]. В Древнем Риме были также ритуальные платки — *манпы*, которые служили символом высокой должности сановника, ими давали «отмашку», которая служила сигналом к началу казни или состязания гладиаторов [Иванов: 156].

Илл. 6. Богоматерь с младенцем, Иоанн II Комнин и императрица Ирина. Мозаика Св. Софии, Константинополь, XII в.³⁶

В Византии ручные платки были двух типов: носовые платки для гигиенических целей и декоративные платочки. Легкий и воздушный платок из шелка был символом чести и знатности. Его носили дамы, закрепляя на левом плече или локте. Слова, обозначающие ручной платок, зафиксированы в византийских летописях XIII в.: *риномактрон* (от *ρίς*, *ρίνος* — нос) и *миксомандилон* [Иванов: 156]. На мозаике VI в. из храма Сан-Витале в Равенне одна из придворных дам в свите императрицы Феодоры держит платок с бахромой. Подобные платки прямоугольной формы в Византии шились из шелка (см. Илл. 1). На мозаике константинопольского собора Святой

Софии в апсиде помещено тронное изображение Богородицы, держащей перед собой на коленях младенца Христа, в левой руке у нее — белый шелковый ручной платок. Мозаика создана в 867 г. На византийских иконах и мозаиках Богоматерь представлена в одежде, типичной для женщин Византии того времени. Близкое к этому мозаичное изображение Богородицы, созданное во второй половине X в., находится в южном вестибюле Святой Софии, здесь она изображена между императорами Константином и Юстинианом. Мозаика XII в., находящаяся в южной галерее Святой Софии, изображает Богоматерь с младенцем между Иоанном II Комнином (1118–1143) и его супругой Ириной (Илл. 6). И здесь Богородица изображена с белым платком в руке.

В Италии в Средние века платок назывался *fazzoletto*. Фаццолетто был декоративным, модным и дорогим элементом костюма, стоящим целое состояние. Из Италии платок начинает проникать в другие страны, прежде всего во Францию, где получил название «le mouchoir» (от *фр.* «la bouche» — ‘муха’). В царствование Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.) в Париже уже шла бойкая торговля платками, она приносила значительную прибыль в королевскую казну. В эпоху Возрождения иметь при себе носовой платок было модно, он стал обязательным аксессуаром одежды. Изготовленные из тончайшего батиста и украшенные сложнейшими вышивками и кружевом платки принято было *носить за рукавом или за поясом*. Они имели различную форму (продолговатую, овальную, круглую) до тех пор, пока в 1784 г. Людовиком XVI не был издан указ о непереносимости квадратной формы этого предмета: «длина платка должна равняться его ширине»³⁷. Платки имели различные размеры — от большого (45×45) до маленького (18×18), их шили из тонкого полотна, батиста, кисеи³⁸.

Авторы статей об истории носового платка пишут, что достоверных данных о времени его появления на Руси нет, указывая, что в музеях хранятся образцы платков, изготовленных не ранее XVI в. Однако летопись и другие книжные памятники Киевской Руси свидетельствуют о существовании на Руси ручного платка уже в XI–XII вв. В литературных

памятниках периода Киевской Руси платок-полотенце носит название *убрусъ*, *убрусець*. Первоначальное значение слова *убрус*, — как отмечает М. Фасмер, — «утирка», слово образовано от и- и цслав. корня *бръснѣти*, *брысати* «тереть»³⁹. (Позднее полотенце и ручной платок так и называли в народной речи: «утирник», «короткий утирник».) В Остромировом евангелии словоформой *оуброуъ* передано греческое слово *σουδάριον* (лат. *sudarium*) — «платок». И. И. Срезневский определяет значение слова *убрусъ* как «платок, полотенце» и приводит, в частности, такие примеры из литературных памятников: «Просльзися съ въздыханиемъ великомъ и убрусомъ отирааше лице свое». — *Жит. Кондр. XI в.*; «И рече Ярославъ дружинѣ: знаменаитеся, повивайте собе убрусы голову». — *Новг. I лет. 6524/1016 г.*; «Убруса не привяжи у пояса своего». — *Никон. Панд. сл. 36*; «Убрусъ, на немъ же образ Х(ри)с(то)въ». — *Сказ. Ант. Новг. л. 6*; «Убрусъ личныи его на хранение вѣрнымъ посылаашеся». — *Гр. Нис. о Мелет. Мин. чет. февр. 130*; «Иземши изъ убруса ручнаго (sic! — Л. С.) три зерна, да ему». — *Жит. Феод. Сик. 69. Мин. чет. апр. 439*; «Самъ на своемъ лици убро(у) съ положивъ, и отре своего подобия». — *Георг. Ам. (Увар.) л. 146*; «Отъ пота его убрусы ношаху къ немощнымъ, и исцѣляхуса». — *Козм. пресв. о ерес. Ср. также убрусьць* — платок: «Утираю слезы убрусьцемъ». — *Ипат. лет. 6677/1169 г.*⁴⁰

Итак, можно констатировать, что былины и древнерусские письменные тексты донесли до нас информацию о существовании уже в Киевской Руси ручного платка-полотенца, который принято было носить за поясом или на рукаве.

В былинах этот платок, как мы установили, мог называться словами *рукав* и (гораздо чаще) образованными от него словами-деминутивами, передающими субъективно-оценочное значение малого размера: *рукавокъ*, *рукавичекъ*, *рукавецъ* и т. п. Можем ли мы на основании свидетельства былин полагать, что в литературном произведении XII в. «Слове о полку Игореве» *рукав* так же, как в былинах киевского цикла, означает ручной платок?

По вопросу о том, когда сложились былины, нет единого мнения. Большинство из исследователей — В. Ф. Миллер,

М. Н. Сперанский, А. В. Марков, братья Соколовы и другие — считали, что былины киевского цикла сложились еще в Киевской Руси. Другие же исследователи — М. Е. Халанский, С. К. Шамбинаго, А. В. Позднеев, Е. А. Костюхин — полагали, что былины сложились не ранее XVI–XVII вв. в Московской Руси. Это, в свою очередь, ставит вопрос о возможности привлечения фольклорных текстов вообще и былин в частности к изучению ранних памятников письменности.

Трудно оспорить тот факт, что выделяемые циклы былин (киевский, новгородский и др.) сложились в разные исторические периоды. Собственно, так же, как в разные исторические периоды складывались циклы сербских народных песен [Кравцов: 30–32]. В фольклористике различают три этапа в развитии былин: первый этап — IX–XII вв., второй этап — XIII–XV вв., третий этап — XVI–XVII вв. К киевскому периоду относят возникновение былин о богатырях, таких как Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Михайло Потык. Для этих былин характерен мифологический принцип типизации образов, так как в образах врагов изображались не реальные люди, а какие-то чудовища (Соловей Разбойник, Змей Горыныч, Идолище Поганый и т. п.).

В. П. Адрианова-Перетц считала возможным и необходимым изучать поэтику «Слова о полку Игореве» в связи с поэтикой фольклора [Адрианова-Перетц, 1950: 291–319]. Она подобрала фольклорные параллели к «Слову», установила общие для него и фольклора мотивы, показала близость художественных приемов (образов, символов, метафор, сравнений), фразеологических оборотов и лексики. В «Слове» немало примеров использования автором древнерусской лексики, не встречающейся в литературном языке, но обнаруживаемой в настоящее время в диалектах русского языка. Достаточно вспомнить слова *смага*, *мысь* в значении 'белка-летяга' и др. И возможно, к подобранным В. П. Адриановой-Перетц фольклорным лексическим параллелям к «Слову о полку Игореве» можно будет отнести слово «рукав» в значении 'ручной платок'.

Итак, можно предположить, что в «Слове о полку Игореве» *бебрянъ рукавъ* — это шелковый ручной платок, которым

Ярославна собирается, «омочив» его в «мертвой» воде Каялы, «утереть» Игорю «кровавые раны».

В сербских и болгарских песнях именно при помощи шелковых платков «утирали» и перевязывали (sic!) раны героям. Примеры привел Ф. Я. Прийма [Прийма: 7]⁴¹.

Сербские народные песни

Перевод на русский язык

«А кад вид'ла Хајкуна ђевојка,
она сними свилена јаглука⁴²;
њиме покри Рада по очима
а да друге не виде ђевојке»
(«Мали Радојица»)⁴³.

«Как увидела Хайкуна-девица,
она сняла шелковый платок;
им покрыла очи Раду,
чтоб не видели другие девицы».

Речь в песне идет о том, что Хайкуна пытается скрыть от отца и других турок, что притворяющийся мертвым юнак Радойца жив. Когда он, увидев среди танцующих девиц Хайкуну, подмигнул ей, она прикрыла его глаза платочком.

Сербские народные песни

Перевод на русский язык

«А узима мараме од свиле,
па увеза Драшку ране љуте»
(«Драшко Поповић и Гришац
Осман-ага»)⁴⁴.

«Брала платки шелковые,
перевязала Драшковы люты раны».

«Из крѣви га мало извадила,
па га брише свиленим јаглуком,
а љуби га међу очи чарне»
(«Женидба Плетикосе Пав-
ла»)⁴⁵.

«Из крови она его приподняла,
утирает шелковым платочком
и целует его очи черны».

Натуральный шелк использовался для перевязки ран не случайно. Это не только нежная и легкая ткань, она отличается большой гигроскопичностью, *очень хорошо впитывает влагу* (до 30% своего веса), при этом остается на ощупь сухой. Ей свойственна высокая воздухопроницаемость, обеспечивающая телу возможность дышать. Полагают, что натуральный шелк устойчив к бактериям и *отлично помогает процессу регенерации кожи*⁴⁶.

В заключение зададимся вопросом: мог ли автор в одном словосочетании совместить книжное церковнославянское слово (*бебрянѣ*) и слово из народного русского языка, отраженное в былинах (*рукавъ*).

Ответ на этот вопрос следует искать в поэтике «Слова о полку Игореве». Д. С. Лихачев отмечал, что «художественная система “Слова” вся построена на контрастах. Один из самых острых контрастов, пронизывающих все “Слово”, — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения» [Лихачев, 1967: 20]. Р. О. Якобсон, характеризуя стиль «Слова» как «*trobar clus*», «*ornatus difficilis*», отмечал, что «Слово» «изобилует смелыми контрастами», «нарочитым совмещением несродных жанров и источников» (например, *Слово* сочетает разнообразные элементы устной традиции с византийскими книжными мотивами) [Якобсон, 1966: 518], ему свойственна «*заведомая разнородность языковых средств*» [Якобсон, 1958: 108].

Подведем итоги исследования.

Материалы по истории костюма свидетельствуют о том, что после принятия на Руси христианства русские князья перенимают одежду византийских императоров. В XI–XII вв. верхняя туника (сто́ла) имела расширенные укороченные рукава, из-под которых были видны узкие рукава нижней туники, стянутые у запястья золотыми нарукавниками (поручами). Князья и княгини изображались на миниатюрах и фресках непременно в княжеском облачении. Автор «Слова о полку Игореве» привержен характерной для древнерусской литературы и искусства этикетности и церемониальности при изображении персонажей, поэтому княгиня Ярославна должна была представляться ему одетой согласно своему феодальному статусу — в княжеское «византийское» платье, рукавом которого невозможно было утирать Игорю раны.

Понять, что означает выражение «бебрянѣ рукавъ» в «Слове о полку Игореве», помогают былины. В былине о Михаиле Потыке выражение *берчат рукав* означает, как мы попытались доказать, ‘узорнотканый льняной платок-полотенце’.

В былине «Добрыня Никитич и Алеша Попович» во фрагменте «Плач Добрыни» лексема *рукав* и производные от нее слова-деминутивы (*рукавчик* и др.) также обозначают 'льняной платок-полотенце'. По всей вероятности, и в выражении *бебрянъ рукавъ* «Слова о полку Игореве» *рукавъ* имеет значение 'ручной платок'.

Итак, понимание словосочетания *бебрянъ рукавъ* в значении *шелковый платок*, на наш взгляд, имеет право на существование. Это косвенно подтверждается сербскими песнями Косовского цикла, в которых героини именно шелковыми платками утирают и перевязывают воинам раны. И, напротив, представляется неприемлемым предположение И. Лемешкина, что раны Игоря Ярославна утирала длинным (до 2 м и более), пришитым на живую нитку рукавом рубахи-долго-рукавки, сорвав его с плеча.

Примечания

- ¹ Виссон — тончайшая, нежнейшая ткань древности, белая или золотистая. В нее облачались египетские фараоны, греческие аристократы, римские императоры и патриции, первосвященники древней Иудеи и Византии. Эта драгоценная ткань неоднократно упоминается в античных источниках и в Библии, где «чистый и светлый виссон» служит эмблемой праведности, святости и нравственной чистоты. См.: Виссон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1892. Т. 6 (11). С. 544; Виссон, лен (linen) // Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена [и др.]; пер. с англ. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбаков. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 145–146.
- ² Повесть об Акире Премудром / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 3. С. 28.
- ³ См.: Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М.: Имп. ОИДР при Моск. ун-те, 1913. С. 23.
- ⁴ Издание Ф. К. Конибера, о котором идет речь: Conybeare F. C., Harris J. R., Lewis A. S. The Story of Ahikar from the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Version, 2nd ed. enlarged and corrected, Cambridge, 1913.
- ⁵ Издание Ф. Но, которое упоминает В. М. Лурье: Nau F. Histoire et Sagesse d'Ahikar l'Assyrien (fils d'Anaël, neveu de Tobie). Traduction des versions syriaques avec les principales différences des versions arabes, arménienne, grecque, néosyriaque, slave et roumaine (= Documents pour l'étude de la Bible. Apocryphes de l'Ancien Testament), Paris, 1909.

- ⁶ О разных точках зрения см.: [Творогов: 343–344].
- ⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 1. С. 42–43. Далее: Словарь-справочник «Слова».
- ⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. С. 84. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *СлРЯ XI–XVII вв.* и указанием номера тома и страницы в круглых скобках.
- ⁹ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Вып. 3. С. 21.
- ¹⁰ Виссонную ткань производили из биссуа (ср.: «виссон») — белковых нитей моллюска средиземноморской пинны благородной, которыми она закрепляется на камнях под водой (отсюда второе название ткани: «морской шелк»). Одна особь производит 1–2 грамма нити, поэтому, чтобы выработать 200–300 граммов виссона, необходимо отделить от камня и обработать тысячу моллюсков.
- ¹¹ О костюме византийской империи см.: [Комиссаржевский: 86–97], [Мерцалова: 127–154], [Андреева, Богомолов: 29–31].
- ¹² Воспроизводится по изданию: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. С. 45, табл. 57.
- ¹³ Облачение священника [Электронный ресурс] // Ежедневное интернет-издание «PRAVMIR.RU» «Православие и мир». 2005. 13 декабря. URL: <https://www.pravmir.ru/svyashhennye-oblacheniya> (20.05.19).
- ¹⁴ А. Э. Жабрева указывает номера листов по рукописи Лицевого летописного свода XVI в.: Остермановский первый том (БАН, 31.7.30-1). 802 л., 1552 миниатюры. См. также: Лицевой летописный свод: Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 6: Остермановский первый том (в двух частях). Ч. 1. М., 2006. В этом издании, помимо буквенной полистной нумерации, существует постраничная нумерация.
- ¹⁵ Воспроизводится по изданию: Лицевой летописный свод: Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 8: Шумиловский том (в 2-х частях). Ч. 2. М., 2006. Л. 514 об. (с. 1026).
- ¹⁶ Предположение И. Лемешкина основано на произвольном допущении, что в авторском тексте «Слова о полку Игореве» вместо *бебрынь рукавъ* читалось *верчен / берчат рукав*. Анализу этой точки зрения посвящена наша особая статья, находящаяся в печати.
- ¹⁷ Воспроизводится по: Радзивилловская летопись: в 2 т. СПб.; М., 1994. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. Л. 6 об.
- ¹⁸ Русский народный костюм: Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР: альбом / авт. текста и сост. Л. Н. Молотова, Н. Н. Соснина; фот. В. А. Стукалова. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 13.
- ¹⁹ Воспроизводится по: Grousman V., Solovieva K., Madlevskaia E. / Грусман В., Соловьева К., Мадлевская Е. Collection Chabelskaya. Une Russie fin de siècle: portraits de femmes en costume traditionnel / Коллекция Шабельской. Россия, конец века: портреты женщин в традиционных костюмах. Paris: Éditions de La Martinière, une marque de La Martinière

Groupe, 2010. Фото № 60.

- ²⁰ Наряду с миниатюрами, в которых княгиня на родильном ложе изображена в полном княжеском облачении, в Лицевом летописном своде XVI в. имеются миниатюры, изображающие только что родившую княгиню в одной рубашке, свободные рукава которой стянуты у запястья нарукавниками. См.: Лицевой летописный свод: Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 6: Остермановский первый том (в двух частях). Ч. 1. М., 2006. Л. 295 (С. 299), л. 635 (с. 639) и др.
- ²¹ «Принадлежность к определенной ступени феодальной лестницы ясно ощутима в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения» [Лихачев, 1970: 26].
- ²² См.: Словарь-справочник «Слова». Вып. 2: Д–Копье. С. 132–137.
- ²³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951. Т. 2. № 149. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гильф.* и указанием номера, под которым опубликована былина.
- ²⁴ Здесь и далее сокращение *Рыбн.* отсылает к изданию: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989–1991 гг. Указывается номер, под которым опубликована былина.
- ²⁵ Здесь и далее сокращение *Аст.* отсылает к изданию: Былины Севера: в 2 т. / записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1951. Т. 2: Прионежье, Пинега, Поморье. 848 с. Указывается номер, под которым опубликована былина.
- ²⁶ Беломорские старины и духовные стихи, собранные А. В. Марковым. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. № 152. С. 449 (ср. № 100).
- ²⁷ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. С. 123–124. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *СлРНГ* и указанием выпуска и страницы в круглых скобках.
- ²⁸ Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 2: Мир человека. Курск: Курс. гос. ун-т, 2006. 192 с. Словарь составлен на основании опубликованных А. Ф. Гильфердингом Онежских былин. В ссылках на примеры из былин авторы указывают в скобках: номер тома, номер былины и номер стиха приводимой цитаты. В обязательном порядке указывается исполнитель, место записи былины и название сюжета. Ссылки на это издание приводятся здесь и далее в тексте статьи с использованием сокращения *Лексика былины* и указанием страницы в круглых скобках.
- ²⁹ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 2. С. 183 (Сб. ОРЯС; т. 31). Этот пример как параллель к Плачу Ярославны привел В. Н. Перетц (см.: [Перетц: 307]).

- ³⁰ Народная художественная культура / под ред. Т. И. Баклановой, Е. Ю. Стрельцовой. М.: МГУКИ, 2000. Раздел 2, гл. 8: [Исенко С. П.] Русский народный костюм. С. 373.
- ³¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. С. 113.
- ³² Большой словарь русских поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М., 2013. С. 532.
- ³³ Отметим, что нарукавник в русских народных говорах называется также словами *рукавник, рукавичек, рукавятики* (СлРНГ, 35; 247). В этом же значении («пристегнутые или пришитые обшлаги рукавов (рубашки, блузки, платья), манжеты») в произведениях И. С. Тургенева и В. М. Гаршина употребляется слово «рукавчик» (Словарь русского языка: в 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 739). Ср. это с названиями ручного платка.
- ³⁴ Андреева Р. П. Энциклопедия моды. [Словарь терминов]. СПб.: Литера, 1997. 416 с. Судариум (или сударь), которым, по легенде, покрыли лицо Иисуса Христа после снятия с креста, представляет собой *отрез льняной ткани размером 84×53 см со следами крови и сукровицы*. С VII в. он хранится в соборе Святого Спасителя испанского города Овьедо (Oviedo). См.: Судариум // Византийский словарь: в 2 т. / [сост., общ. ред. К. А. Филатова]. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. Т. 2. С. 356; Немыченков В. И. Реликвии истинные и мнимые: О Туринской плащанице (раздел: Сударь из Овьедо) [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Православие. RU». 16.04.2014. URL: <http://www.pravoslavie.ru/69992.html> (20.05.19).
- ³⁵ «Плат Вероники» с нерукотворным изображением лика Иисуса Христа, хранящийся в Маноупелло и считающийся многими исследователями подлинным, изготовлен из *виссона и имеет размеры 17×24 см*.
- ³⁶ Воспроизводится по: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. С. 94, табл. 290.
- ³⁷ На Руси платки, длина которых равнялась ширине (по ширине ткацкого станка, 40 см), назывались ширинками. Декоративные ширинки из дорогих тканей, богато украшенные вышивкой, служили дополнением к княжескому и боярскому костюму XVI–XVII вв. Наряду с ними пользовались «утирниками» из белого тонкого полотна.
- ³⁸ Об истории носового платка см.: [Иванов: 156], [Буланова], [Синельникова: 45]. См. также: Носовой платок // Мир вещей. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2003. С. 364–369 (Современная энциклопедия); Сапрыкина М. История носового платка [Электронный ресурс]. URL: <http://история-вещей.рф/galantereya/istoriya-nosovogo-platka.html> (20.05.2019); История носового платка [Электронный ресурс] // Ярмарка мастеров. 2014. 11 марта. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/653145-istoriya-nosovogo-platka?vr=1>; История возникновения носового платка [Электронный ресурс] // Ярмарка мастеров. 2014. 20 мая. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/754117-istoriya-vozniknoveniya-nosovogo-platka?vr=1> и др.

- ³⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 144. Ср. ст.-слав. оуброусь, болг. убрус «платок, полотенце», сербохорв. ѓбрус, словен. ubrûs, чеш. ubrus, словц., польск. obrus.
- ⁴⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Имп. Академия наук, 1912. Т. 3. Стб. 1117–1118.
- ⁴¹ Цитаты из сербских песен проверены и уточнены автором статьи. На русский язык цитаты перевела Жанна Леонидовна Левшина, за что выражаем ей благодарность.
- ⁴² Как пояснила Ж. Л. Левшина в письме ко мне со ссылкой на сербских коллег, «яглык» может означать и платок, и платочек, обычно с вышивкой.
- ⁴³ Караѿић Вук. Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издае. Друго издање. Београд: Просвета, 1958. Кнь. 3. С. 367. Стихи 91–94.
- ⁴⁴ Там же. Кнь. 4. С. 61. Стихи 99–100.
- ⁴⁵ Там же. Кнь. 3. С. 502. Стихи 113–115.
- ⁴⁶ См., например: Нечаенко Е. Одежда для здоровья: какие ткани полезно носить, а какие — наоборот [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Здоровье. № 15. 08.04.2010. URL: <http://www.aif.ru/health/life/17327> (20.05.2019).

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. — М.: Наука, 1973. — С. 43–52.
2. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве: сб. исследований и ст. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 291–319.
3. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. — Л.: Наука, 1974. — 172 с.
4. Андреева А. Ю., Богомолов Г. И. История костюма. Эпоха. Стиль. Мода: от Древнего Египта до Модерна. — СПб.: Паритет, 2008. — 120 с.
5. Буланова О. Носовой платок — такая малость... // Эхо недели. — 2009. — 21 ноября. — № 216. — С. 9; № 220. — С. 8.
6. Евгеньева А. П. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — Т. 13. — С. 483–496.
7. Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. — СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2016. — 480 с.
8. Иванов С. Обойтись посредством платка // GEO. — 2007. — № 7. — С. 156–157.
9. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Алетей, 2000. — 280 с.

10. Комиссаржевский Ф. История костюма: Уникальные материалы по истории костюма с древнейших времен. — М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. — 335 с. (1-е изд. — 1910 г.).
11. Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. — СПб.: Издание Императорской акад. наук, 1906. — 126 с., 6 л. ил.
12. Кравцов Н. Сербские юнацкие песни // Сербский эпос / перев. Н. Берга, Н. Гальковского, Н. Кравцова; ред., исслед., коммент. Н. Кравцова. — М.: Academia, 1933. — С. 7–204.
13. Лазарев В. Н. Групповой портрет семейства Ярослава // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись: статьи и исследования. — М.: Наука, 1970. — С. 27–54.
14. Лемешкин И. *Бебрянъ vs. *верченъ/*берчатъ рукав // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Росток, 2017. — Т. 65. — С. 43–61.
15. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. — М.: Наука, 1974. — 232 с.
16. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 375–466.
17. Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // «Слово о полку Игореве». — Л.: Сов. писатель, 1967. — С. 5–39. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)
18. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. — М.: Наука, 1970. — 178 с.
19. Лихачева В. Д. Художественное оформление Изборника Святослава 1073 г. // Византия и Русь. — М.: Наука, 1989. — С. 291–300.
20. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М.: Наука, 1984. — 155 с.
21. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов: в 4 т. — М.: Академия моды, 1993. — Т. 1. — С. 127–154.
22. Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова / Филол. фак. Серия филологических наук. — Л., 1956. — № 198. — Вып. 24. — С. 3–9.
23. Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 578 с. (а)
24. Мещерский Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского языка (По материалам переводных произведений Киевского периода) // Византийский временник. — М., 1958. — Т. 13. — С. 259–260. (b)
25. Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — Т. 14. — С. 43–48. (c)
26. Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 737 с.

27. Перетц В. Н. Слово о полку Ігоревім: Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку: Вступ. Текст. Коментар. — У Київi: З друкарні Української Академії Наук, 1926. — IX, 351, [4] с.
28. Пичхадзе А. А. Лексические особенности памятника и вопрос о локализации перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод / А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — Т. 1. — С. 26–39.
29. Прийма Ф. Я. Внимая плачу Ярославны... // Русская литература. — 1985. — № 4. — С. 15–20.
30. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — 782 с.
31. Синельникова Л. П. «Подарю дружка платочком, гладью шиты уголки...» // Декоративное искусство СССР. — 1978. — № 11 (252). — С. 45–48.
32. Соколова Л. В. Золото // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 2. — С. 229–232.
33. Тазикина Л. В. Север европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Петербургская губернии) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель. — М.: Советская Россия, 1971. — С. 119–163.
34. Творогов О. В. Повесть об Акире Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л.: Наука, 1987. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 343–345.
35. Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — Т. 14. — С. 101–121.
36. Lourié B. [Лурье В. М.] The Syriac Ahiqar, Its Slavonic Version, and the Relics of the Three Youths in Babylon [Сирийский «Ахикар», его славянская версия и мощи трех Отроков Вавилонских] // Slověne. — 2013. — № 2. — С. 64–117.
37. Jakobson R. Роль языкознания в экзегезе «Слова о пълку Игоревѣ» // Jakobson R. Selected writings. — Vol. 4: Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966. — P. 518–519.

Lidia V. Sokolova

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
The Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

liiso@mail.ru

What “Sleeve” Did Yaroslavna Wipe Clean Igor’s Bleeding Wounds with (On the Study of the Poetics of the *Tale of Igor’s Campaign*)

Abstract. There still remain some “obscure passages” in the “Tale of Igor’s Campaign” that have no convincing interpretation. However, even those interpretations that seemed quite clear, sometimes need a revision. The article aims at specifying the meaning of the phrase “biebryan sleeve”, present in Yaroslavna’s Lament. Upon completion of the research work by N. A. Meshchersky, it was commonly accepted that “biebryan” means here ‘made of byssus, silk’. Recently, however, this idea as well as the very presence of the word “biebryan” in the original text of the Tale was called into question. It is necessary to find out whether this doubt is well-grounded. The meaning of the word “rukav” (sleeve) did not raise doubts among researchers. It was accepted that it means a sleeve of a female dress. To correlate this meaning with the context the word is used in, researchers had to presume that Yaroslavna wiped clean Igor’s bleeding wounds with a sleeve of a long sleeve shirt. It is arguable, however, that this is exactly a sleeve and not any other part of a female dress. To understand the meaning of the phrase one needs to take into account research works on the history of the Byzantine and Old Russian dress, the phrase “berchat sleeve” found in bylinas, and Serbian songs about warriors (“yunatski”) where female characters “wipe clean” and bandage wounds of heroes.

Keywords: “The Tale of Igor’s Campaign”, Yaroslavna’s Lament, biebryan sleeve, berchat sleeve, bylinas, Serbian songs about warriors (“yunatski”), byssus, silk, Byzantine female dress, Russian aristocratic dress in 11th and 12th centuries, long sleeve shirt, poetics

About the author: Sokolova Lidia V. — PhD in Philology, Leading Researcher, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), The Russian Academy of Sciences (naberezhnaya Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation)

Received: May 30, 2019

Date of publication: October 18, 2019

For citation: Sokolova L. V. What “Sleeve” Did Yaroslavna Wipe Clean Igor’s Bleeding Wounds with (On the Study of the Poetics of the *Tale of Igor’s Campaign*). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 7–41. (In Russ.) DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602

References

1. Averintsev S. S. Gold in the System of Symbols of the Early Byzantine Culture. In: *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa: Iskustvo i kul'tura* [Byzantium. The South Slavs and the Ancient Russia. Western Europe: Art and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 43–52. (In Russ.)
2. Adrianova-Peretts V. P. “The Tale of Igor’s Campaign” and Oral Folk Poetry. In: *Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniy i statey* [The Tale of Igor’s Campaign: Collection of Studies and Articles]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, pp. 291–319. (In Russ.)
3. Adrianova-Peretts V. P. *Drevnerusskaya literatura i fol'klor* [Old Russian Literature and Folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 172 p. (In Russ.)
4. Andreeva A. Yu., Bogomolov G. I. *Istoriya kostyuma. Epokha. Stil'. Moda: ot Drevnego Egipta do Moderna* [The History of Costume. Era. Style. Fashion: from Ancient Egypt to Modern Style]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2008. 120 p. (In Russ.)
5. Bulanova O. A Handkerchief is Such a Small Thing... In: *Ekho nedeli*, 2009, 21 November, no. 216, p. 9; no. 220, p. 8. (In Russ.)
6. Evgen'eva A. P. Two New Texts of the 18th Century. Bylinas About Mikhail Potyk. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, vol. 13, pp. 483–496. (In Russ.)
7. Zhabreva A. E. *Pis'mennye i izobrazitel'nye istochniki po istorii russkogo kostyuma XI–XVII vekov* [Written and Visual Sources on the History of Russian Costume of the 11th–17th Centuries]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2016. 480 p. (In Russ.)
8. Ivanov S. To Manage with the Help of a Handkerchief. In: *GEO*, 2007, no. 7, pp. 156–157. (In Russ.)
9. Kazhdan A. P. *Vizantiyskaya kul'tura (X–XII vv.)* [The Byzantine Culture (the 10th–12th Centuries)]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2000. 280 p. (In Russ.)
10. Komissarzhevskiy F. *Istoriya kostyuma: Unikal'nye materialy po istorii kostyuma s drevneyshikh vremen* [The History of Costume: Unique Materials on the History of Costume from Ancient Times]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., Lyuks Publ., 2005. 335 p. (In Russ.)
11. Kondakov N. P. *Izobrazhenie russkoy knyazheskoy sem'i v miniatyurakh XI veka* [The Image of the Russian Princely Family in Miniatures of the 11th Century]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1906. 126 p. (In Russ.)
12. Kravtsov N. Serbian Unack Songs. In: *Serbskiy epos* [Serbian Epos]. Moscow, Academia Publ., 1933, pp. 7–204. (In Russ.)
13. Lazarev V. N. A Group Portrait of Yaroslav’s Family. In: *Lazarev V. N. Russkaya srednevekovaya zhivopis'* [Lazarev V. N. Russian Medieval Painting]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 27–54. (In Russ.)

14. Lemeshekin I. *Bebryan vs. *verchen/*berchat rukav. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2017, vol. 65, pp. 43–61. (In Russ.)
15. Litavrin G. G. *Kak zhili vizantiytsy* [How the Byzantines Lived]. Moscow, 1974. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1999. 256 p. (In Russ.)
16. Likhachev D. S. A Historical and Geographical Commentary. In: *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, pp. 375–466. (In Russ.)
17. Likhachev D. S. The Word About the Campaign of Igor Svyatoslavich. In: «*Slovo o polku Igoreve*» [The Tale of Igor's Campaign]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1967, pp. 5–39. (In Russ.)
18. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in Ancient Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 178 p. (In Russ.)
19. Likhacheva V. D. An Artistic Design of Anthologies of Svatoslav of 1073. In: *Vizantiya i Rus'* [Byzantium and Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 291–300.
20. Maslova G. S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavlyanskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX — nachala XX v.* [Folk Clothing in East Slavic Traditional Customs and Rituals of the 19th — Early 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 155 p. (In Russ.)
21. Mertsalova M. N. *Kostyum raznykh vremen i narodov: v 4 tomakh* [The Costume of Different Times and Peoples: in 4 Vols]. Moscow, Akademiya mody Publ., 1993, vol. 1, pp. 127–154. (In Russ.)
22. Meshcherskiy N. A. More on the Interpretation of the Vocabulary of “The Tale of Igor's Campaign”. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova* [Scientific Notes of the A. A. Zhdanov Leningrad State University]. Leningrad, 1956, no. 198, issue 24, pp. 3–9. (In Russ.)
23. Meshcherskiy N. A. *Istoriya Iudeyskoy voyny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode* [The History of the Jewish War of Josephus Flavius in the Old Russian Translation]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 578 p. (In Russ.) (a)
24. Meshcherskiy N. A. On the Question of the Borrowings from Greek in the Vocabulary of the Old Russian Language (Based on the Translated Works of the Kiev Period). In: *Vizantiyskiy vremennik* [The Byzantine Chronicle]. Moscow, 1958, vol. 13, pp. 259–260. (In Russ.) (b)
25. Meshcherskiy N. A. On the Study of the Vocabulary and Phraseology of “The Tale of Igor's Campaign”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, vol. 14, pp. 43–48. (In Russ.) (c)
26. Novikov Yu. A. *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [The Narrator and the Epic Tradition]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000. 737 p. (In Russ.)
27. Peretts V. N. *Slovo o polku Igorevim: Pam'yatka feodal'noi Ukraïni-Rusi XII viku* [The Tale of Igor's Campaign: a Monument to Feudal Ukraine-Russia

- of the 12th Century]. Kiev, Iz tipografii Ukrainskoy Akademii Nauk Publ., 1926. 351 p. (In Ukrainian)
28. Pichkhadze A. A. The Lexical Peculiarities of a Monument and the Question of the Localization of Translation. In: *«Istoriya Iudeyskoy voyny» Iosifa Flaviya: Drevnerusskiy perevod* [“A History of the Jewish War” by Josephus Flavius: An Old Russian Translation]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2004, vol. 1, pp. 26–39. (In Russ.)
29. Priyma F. Ya. Listening to Yaroslavna’s Cry... In: *Russkaya literatura*, 1985, no. 4, pp. 15–20. (In Russ.)
30. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782 p. (In Russ.)
31. Sinel’nikova L. P. «I’ll Present to My Friend a Hemstitched Handkerchief...». In: *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative Art of the USSR], 1978, no. 11 (252), pp. 45–48. (In Russ.)
32. Sokolova L. V. Gold. In: *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 tomakh* [The Encyclopedia of “The Tale of Igor’s Campaign”: in 5 Vols]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1995, vol. 2, pp. 229–232. (In Russ.)
33. Tazikhina L. V. North of the European Part of the RSFSR (Olonets, Arkhangel’sk, Vologda, Perm, Vyatka, St. Petersburg Provinces). In: *Krest’yanskaya odezhda naseleniya Evropeyskoy Rossii (XIX — nachalo XX v.). Opredelitel’* [Peasant Clothing of the Population of European Russia (the 19th — Early 20th Century). Determinant]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1971, pp. 119–163. (In Russ.)
34. Tvorogov O. V. Povest’ ob Akire Premudrom. In: *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka Publ., issue 1, 1987, pp. 343–345. (In Russ.)
35. Jakobson R. O. Study of “The Tale of Igor’s Campaign” in USA. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, vol. 14, pp. 101–121. (In Russ.)
36. Lourié B. The Syriac Aḥiqar, Its Slavonic Version, and the Relics of the Three Youths in Babylon. In: *Slověne*, 2013, no. 2, pp. 64–117. (In English)
37. Jakobson R. The Role of Linguistics in Exegesis of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Jakobson R. Selected Writings*. The Hague, Paris, 1966, vol. 4, pp. 518–519. (In English)